

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Л. В. ЧЕРЕПНИН

Характерной чертой творчества Лермонтова так же, как и Пушкина, при всем внимании к большим темам общепсихологического значения является историзм. Правда, Лермонтов, в противоположность Пушкину, не оставил подлинно исторических трудов или развернутых теоретических высказываний по вопросам истории. Но он не раз обращался к исторической тематике в своих художественных произведениях. Ему приписывают слова: «Сколько любовь приятнее женитьбы, столько роман занимательнее истории»¹. Проявляя интерес к мастерам художественной литературы на исторические темы, Лермонтов, как и Пушкин, ценил «талант Вальтер Скотта», с большим одобрением отзывался о трагедиях Шекспира, особенно о «Гамлете». В письме к М. А. Шан-Гирей Лермонтов писал: «Вступаюсь за честь Шекспира. Если он велик, то это в Гамлете; если он истинно Шекспир, этот гений необъемлемый, проникающий в сердце человека, в законы судьбы, оригинальный, то есть неподражаемый Шекспир, — то это в Гамлете»².

Лермонтова привлекали сюжеты античности и средневековья, и в этом сказалось известное влияние Шекспира и Вальтер Скотта. Лермонтов предполагал написать трагедию, посвященную острой политической борьбе в Риме в I в. до н. э. между Гаем Марием, Луцием Корнелием Суллой, Корнелием Цинной, изобразив «тиранства, убийства и проч...»³. В намеченном им плане трагедии писатель ссылается в качестве источника на Плутарха (вероятно, имея в виду составленные последним «Сравнительные жизнеописания»). Другое произведение Лермонтова посвящалось времени римского императора Тиберия (начало I в. н. э.), с именем которого автор (нарушая историческую перспективу) связывает преследования христиан⁴. Оба творческих замысла Лермонтова остались до конца незавершенными. Поэтому трудно судить с полной определенностью о тех идеях, которые хотел развить в своих произведениях писатель. Во всяком случае несомненно, что в них осуждается тирания.

Жизнь средневековой Испании воссоздается Лермонтовым в поэме «Испанцы». Возможно, что на пробуждение интереса к подобной теме в какой-то мере повлияла Испанская революция 1820 г. Ряд хронологических противоречий в этом произведении не позволяет отнести развертываемое в нем действие к какому-либо определенному столетию. Во всяком случае речь идет о позднем средневековье, ибо упоминаются люди и события XV—XVII вв.⁵ На испанском материале автор изобразил такие взаимоотношения человеческих характеров и столкновения стра-

¹ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. VI, М.—Л., 1957, стр. 398.

² Там же, стр. 407 (1831 г.).

³ Там же, стр. 375—376, 675 (1831 г.).

⁴ Там же, т. II, М.—Л., 1954, стр. 231, 369.

⁵ Там же, т. V М.—Л., 1956, стр. 9—141, 722 (1830 г.).

стей, которые далеко не всегда носили отпечаток определенного времени и места и которым сам автор придавал намного более широкое, общечеловеческое значение. В какой-то мере сказались на «Испанцах» и литературное влияние произведений западноевропейских писателей: Шекспира, Вальтера Скотта, Шиллера, Лессинга и др.⁶

Поэтому не все в поэме Лермонтова исторично. Но там имеются яркие характеристики испанской аристократии, политического режима, господствовавшего в стране, порядков инквизиции. Характеристики эти пронизаны гражданским пафосом и стремлением показать несправедливость, ложь, жестокость, лежащие в основе общественных взаимоотношений. По словам выразителя политического протеста Фернандо, в Испании «жена торгует мужем и собою, король народом, а народ свободой; у них, чтоб угодить вельможе или монарху, можно человека невинного предать кровавой пытке!..». Орудиями инквизиции являются обман, лицемерие, клевета. И великий мастер человеческого вероломства, иезуит Соррини расценивает эти качества как незаменимое средство продвижения по лестнице почестей и славы: «О! Это важная наука в мире! Наука женщин! С нею прямо в папы». Соррини взывает к клевете как своей союзнице: «О клевета! приди на помощь!» А Доминиканец, помогающий Соррини мастерить доносы и готовый каждую минуту использовать то же орудие против него самого, лишь под углом зрения возможных интриг оценивает значение величайшего изобретения человечества — письма. «Умен был тот, кто изобрел письмо. Письмо терзает иногда сильнее, чем пытка!... даже рай дает перо отца святого папы...». Несмотря на сильный налет литературной стилизации, в ряде сцен этого произведения Лермонтова сохранен исторический колорит.

Лермонтов раздумывал и над другими темами, касающимися позднего средневековья. Так, он собирался написать трагедию, в которой говорилось бы об угнетении испанскими завоевателями индейцев в Америке. В качестве образца писатель предполагал использовать повесть Шатобриана «Атала или любовь двух диких в пустыне»⁷.

Основной материал для литературных произведений исторического профиля Лермонтов черпал из прошлого своего отечества. Этот материал возбуждал в нем чувство национальной гордости и давал пищу для размышлений о вековой борьбе вольности и тирании, демократии и деспотизма.

Внимание поэта привлекала история древнего Новгорода, который рассматривался им так же, как и Радищевым и декабристами, в качестве очага свободы и народовластия. Это была идеализация, но за ней скрывалась прогрессивная, антимонархическая по своей направленности тенденция передовой русской историографии — разглядеть в прошлом не только триумфальный ход самодержавия, но и силы, ему противостоящие. Поэтому Лермонтов «приветствовал» в лице Новгорода «воинственных славян святую колыбель» — город, «где вольности одной служил тот колокол на башне вечевой, который отзвонил ее уничтоженью»⁸. Для Лермонтова новгородская история являлась примером народной борьбы за гражданские права. Обращаясь к своим современникам с призывом не терять мужества в боях с деспотизмом, воодушевляя их словами надежды на освобождение от тирании — «Погибнет ваш тиран (повидимому, Николай I), как все тираны погибали!..», — поэт как бы подкреплял свои надежды опытом истории и вспоминал при этом Новгород. «Есть бедный град, там видели народы все то, к чему теперь ваш дух летит»⁹.

⁶ А. Федоров. Творчество Лермонтова и западные литераторы. «Литературное наследство», т. 43—44, М., 1941, стр. 202.

⁷ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. VI, стр. 374, 673 (1830 г.).

⁸ Там же, т. II, стр. 46 (1832 г.).

⁹ Там же, т. I, М.—Л., 1954, стр. 169 (1830 г.).

Вольнолюбивые настроения Лермонтова, близкие по своему духу к настроениям декабристов, отражает его поэма «Сын вольности», в которой говорится о восстании, поднятом новгородцем Вадимом против владычества варяжского князя Рурика. Исторические сведения об этом восстании имеются в краткой записи в поздней Никоновской летописи, приведенной Карамзиным в «Истории государства Российского». Но, несмотря на лаконизм и недостаточную достоверность летописного известия, образ храброго Вадима привлекал к себе внимание передовых писателей второй половины XVIII—XIX вв. и вошел в русскую литературу. В нем видели борца за народную свободу на самой заре русской государственности.

Лермонтов на основе сухого летописного текста создал (в соответствии со своим представлением об идеальном общественном строе Новгорода) красочный рассказ о жизни новгородских славян IX в. и об их борьбе за свою вольность. В числе действующих лиц видное место в поэме уделено старцу Ингеольту, певцу новгородской независимости, вспоминающему в своих песнях времена Гостомысла — последние времена славянской свободы от варягов. Восстание Вадима описывается как акт единоборства с Руриком, причем к политическим мотивам выступления Вадима присоединяется жажда мести за любимую девушку Леду, ставшую жертвой сладострастия варяжского князя-тирана. Здесь — переплетение фольклорных мотивов с веяниями романтики XIX в.

Поэму пронизывает чувство горести об утраченной, в связи с приходом варягов, независимости Новгорода, о поруганной вольности. «Увы! Пред властью чужой склонилась гордая страна, и песня вольности святой (какая б ни была она) уже забвенью предана». «Варяг-властитель» презирал все законы, все права славян. Но звучит в поэме и другой мотив. Наряду с болью унижения новгородцы испытывают желание бороться с врагом, ибо не хотят быть в подчинении. Вадим заявляет: «Не буду у варяжских ног. Иль он (Рурик — Л. Ч.), иль я: один из нас падет! в пример другим падет!». И даже поражение Вадима расценивается как победа, так как он не сдался, предпочел смерть рабству. «Он пал в крови, — и пал один — *последний вольный славянин!*»¹⁰.

Конечно, картина Новгорода, нарисованная в рассмотренном произведении Лермонтова, несколько противоречит нашим представлениям о социальном неравенстве среди новгородцев и о боярском характере новгородской «демократии». Лермонтов исходил из взглядов науки (причем передовой науки) своего времени. Его весьма оригинальная и прогрессивная для своего времени трактовка летописной легенды о призвании славянами трех варяжских князей говорит о наличии у писателя чувства историзма. Монархической концепции добровольности признания народом княжеской власти противопоставляется версия об обмане народа Руриком с братьями, вопреки условиям договора, вооруженной рукой добившимися господства в Новгороде и превратившими славянских мужей в своих рабов.

Наряду с Новгородом Лермонтова интересовал и другой культурный и политический центр древней Руси — Киев. Он собирался «написать шутивную поэму, приключения богатыря»¹¹; по-видимому, его привлекало богатство былинного эпоса.

Лермонтову принадлежат три незаконченных стихотворных отрывка, героем которых является князь Олег — «варяг, боец», гроза хазар, печенегов (явный анахронизм!), Византии, «владелец» огромного государства, простиравшегося от Пскова до Онеги и до Каспийских берегов¹².

¹⁰ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. III, М.—Л., 1955, стр. 98, 103, 109, 122, 320—321 (1831 г.).

¹¹ Там же, т. VI, стр. 375 (1831 г.).

¹² Там же, т. III, стр. 60, 316, 317 (1829 г.).

Несомненно, поэт достаточно хорошо представлял себе могущество Киевской Руси.

Сохранился набросок Лермонтова (им же самим зачеркнутый), довольно подробно излагающий сюжет какого-то произведения, посвященного фантастическим приключениям витязя, жившего при дворе киевского князя Владимира, — варяга-язычника, «прекрасного, умного, но честолюбивого и гордого»¹³. Очевидно, время князя Владимира, вокруг имени которого сложился целый цикл былин, казалось Лермонтову периодом, наполненным исторической романтикой и достойным пера художника слова.

В своем творчестве Лермонтов не обошел и такой большой темы, как борьба русского народа с татаро-монгольским нашествием. Он составил подробный план драмы, исторической основой которой явились события, связанные с нападением в 1238 г. татаро-монгольских войск на Владимир и захватом ими этого крупного политического центра. Спротивление врагу было возглавлено князьями Всеволодом и Мстиславом Юрьевичами. Данные об этом Лермонтов почерпнул из «Истории государства Российского» Карамзина. Сначала Лермонтов предполагал сделать своим героем князя Всеволода, затем заменил это имя на Мстислава.

Основная тема драмы — борьба за национальную независимость. Под влиянием рассказов «о прежней вольности» Мстиславу «приходит в голову мысль освободить родину от татар». Он начинает действовать. Дальнейшее изложение содержит много художественного вымысла, причем есть нечто общее между идейным содержанием и даже фабулами данного произведения и поэмы «Сын вольности». Мстислав, как и Владимир, гибнет несгибаемым в бою за родину с вражеским засилием. Перед смертью он высказывает желание, чтобы его дела стали известны какому-нибудь певцу, а тот своей песнью о нем возбудил бы «жар любви к родине в душе потомков». И в этом произведении национальная борьба осложняется тем, что завоеватель-чужеземец обольстил русскую девушку. Мстислав убивает татарского мурзу, возлюбленной которого стала его сестра Ольга.

Талант Лермонтова с особой силой проявлялся в изображении больших человеческих страстей, и это общечеловеческое иногда сближало его героев (людей разных эпох и национальностей) настолько, что они как бы утрачивали черты отличия друг от друга. Однако в этом отношении ему всегда было свойственно чувство меры. И общечеловеческое в его художественной передаче никогда не подавляло исторического, национального, индивидуального.

Замысел трагедии о Мстиславе остался незавершенным, и трудно сказать, в какой мере писателю удалось бы воспроизвести картины, отвечающие правде истории. Но даже беглые авторские зарисовки, до нас дошедшие, говорят, что Лермонтов в поисках образов прошлого шел путем историзма. Так, правдиво передает народную ненависть к татаро-монгольским завоевателям следующий набросок: женщина-крестьянка поет, баюкая ребенка, песню о «злых татаровях», а проходящий мимо Мстислав радуется, что «эта песня вдохнет ребенку ненависть против татар»; и что если он погибнет, то останется еще «мститель за отечество»¹⁴.

Среди тех эпох русской истории, которые особенно захватывали Лермонтова, выделяется XVI столетие. Писателя привлекают острые социальные конфликты этого времени. Такой конфликт изображен в поэме «Боярин Орша». Здесь описывается столкновение представителей двух различных общественных слоев: любимца Грозного — боярина Орши

¹³ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. VI, стр. 376, 676 (1831 г.).

¹⁴ Там же, стр. 379—381, 677 (1831—1832 гг.).

и его холопа Арсения. Протест Арсения против деспотизма своего господина выражается в гордом вызове, который он бросает в лицо боярину: «И под одеждою раба, но полный жизнью молодой, я человек, как и другой». Тема самоутверждения личности, ее права на признание своего человеческого достоинства красной нитью проходит через все произведения Лермонтова. Мысли Арсения повторяются и другими лермонтовскими героями, которых писатель изобразил людьми разных национальностей и разных эпох. У Арсения есть много общего и с Фернандо и с Мцыри. Но протест боярского холопа Арсения окрашен и народными красками русского средневековья. На фольклорной основе построена фабула тайной любви холопа и боярской дочери, которую суровый отец обрекает на голодную смерть в запертой на ключ опочивальне. Отголосок разбойных песен слышится в тех словах поэмы, где речь идет о судьбе Арсения, который «в лесах чужих нашел товарищей лихих, бесстрашных, твердых, как булат. Людской закон для них не свят...».

Историческим фоном, на котором разворачивается действие поэмы, является русско-ливонская война в царствование Ивана Грозного. Литовское государство Лермонтов считает инициатором наступления на Россию. «И разнеслась везде молва, что беспокойная Литва с толпою дерзких воевод на землю русскую идет. От войска русские гонцы во все помчались концы»¹⁵. В то же время Лермонтов чужд какой-либо односторонности в освещении русско-литовских взаимоотношений. Его национальное самосознание лишено ограниченности и сочетается с живым интересом к судьбам других народов и с глубоким пониманием их потребностей и нужд. В повести «Литвинка» Лермонтов рассматривает военные конфликты Русского и Литовского государств глазами литовского народа, которому эти войны несли угрозу разорения и порабощения. Великокняжеские русские дружины, «мстью воспалась, грозят полям и рощам той страны, где загорится пламенный войны. Желая защищать свои права, дрожит за вольность гордая Литва». Лермонтов с сочувствием относится к пленной литвинке Кларе, которая предана отечеству и поэтому не в силах отдать свою любовь его разорителю, русскому князю. тому, «кто грозною войной опустошил поля ее отцов»¹⁶.

Наиболее зрелым и творчески совершенным произведением Лермонтова из числа тех, темой для которых послужило русское средневековье, является его «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». В научной литературе о Лермонтове проведена большая работа как по выявлению непосредственных фольклорных источников, которыми он пользовался в своей «Песне», так и по сопоставлению языка, стиля, ритма последней с лексикой, стилистикой, особенностями стихосложения устной народной поэзии. Установлены и сюжеты некоторых фольклорных памятников, которые могли быть известны Лермонтову, доказано и «кровное творческое родство „Песни про купца Калашникова“ с импровизационной поэтикой наших певцов и сказителей»¹⁷. Именно это органическое творческое родство с устной словесностью, а не простое ей подражание определяет народность «Песни».

Общественный смысл произведения Лермонтова заключался в том, что в нем был изображен открытый протест удалого купеческого сына против произвола царского опричника. Недаром в сцене допроса Иваном Грозным купца Калашникова справедливо находят отголоски разбойничьих песен.

¹⁵ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, М.—Л., 1955, стр. 14, 21, 30 (1835—36 гг.); М. Штокмар. Народно-поэтические традиции в творчестве Лермонтова. «Литературное наследство», т. 43—44, М., 1941, стр. 275.

¹⁶ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. III, стр. 229, 237, 325 (1832 г.).

¹⁷ М. Штокмар. Указ. соч., стр. 267, 346.

Сложным является нарисованный Лермонтовым образ Грозного. С одной стороны, это не безрассудный деспот, допускающий явные произвол и самоуправство. Он казнит Степана Парамоновича Калашникова после того, как тот убил его «лучшего бойца» Кирибеевича и отказался сказать — за что, а об истинной причине убийства, вызванной тем, что Кирибеевич захотел обесчестить чужую жену, царь не знал. Казнив Калашникова, царь позаботился о его семье. Может быть, в представлениях Лермонтова о Грозном в какой-то мере отразились народные воззрения того времени, согласно которым за неоправданные жестокости, при нем творившиеся, несут ответственность слуги, его окружающие, опричники, а не он сам. Но в то же время в образе Грозного, как его рисует Лермонтов, есть и то, что от него отталкивает. Он не только объективно совершил несправедливость, послав на плаху безвинного человека, но обставил казнь так, что она превращается в глумление над осужденным:

«Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью»¹⁸.

Суд царский, покрывший беззаконие опричника, разошелся с судом народным. В народном суде, в открытом единоборстве победил тот, на чьей стороне была правда,— купеческий сын Калашников. Но у царя своя, иная «правда», которая далека от подлинной справедливости. Во всяком случае творческая характеристика Лермонтовым личности Грозного отличается большей глубиной и разносторонностью, чем характеристики, принадлежащие ряду других авторов XIX в.

Народному движению под предводительством Е. И. Пугачева посвящен роман Лермонтова «Вадим». Автор работал над ним в те же годы, что и Пушкин над своей «Историей Пугачева». Конечно, весьма показательно, что одна и та же тема большого социального значения и художественного напряжения занимала одновременно умы двух крупнейших мастеров литературы.

В ряде исследований доказано, что в романе Лермонтова нашли отражение устные рассказы, им слышанные, о том, что произошло во время восстания Пугачева в Пензенской губернии, где находилось имение бабушки поэта¹⁹. Творчески переработав этот материал фамильных и других преданий, Лермонтов дал свое понимание народного движения. Кроме того, он развил в романе «Вадим» на фоне крестьянской войны волновавшую его на протяжении всего творческого пути тему протеста человека с сильными страстями и непреклонной волей против угнетавшей его действительности и тех людей, которые являются носителями зла. Эта большая психологическая тема в романе «Вадим» приобретает ярко выраженную социальную направленность, ибо герой, именем которого произведение названо издателями, выступает как мститель помещику, разорившему его отца, пытавшемуся обесчестить сестру, а его самого превратившему в раба.

Лермонтов довольно близко подошел к раскрытию социальных корней пугачевского движения, явившегося ответом на растущую эксплуатацию крестьян помещиками: «...каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщениа, и только кровь

¹⁸ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 114—115, стр. 404—405 (1837 г.).

¹⁹ А. М. Донусов. Роман «Вадим» Лермонтова (К вопросу о генезисе). «УЗ Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 43, 1947, стр. 33—100; А. Н. Коган. Об отражении исторической действительности в романе Лермонтова «Вадим». «УЗ Педагогич. и Учител. ин-та им. В. В. Куйбышева», 1947, вып. 8, стр. 53—71; И. Л. Андроников. Лермонтов в работе над романом о Пугачевском восстании. «Литературное наследство», т. 45—46, М., 1948, стр. 289—299); его же. Лермонтов, М., 1951, стр. 60—79.

его могла смыть эти постыдные летописи». Автор чувствовал, что мощный размах классовой борьбы в конце XVIII в. свидетельствует об утрате дворянами-помещиками бывшего социально-экономического значения в связи с тем, что крепостническая система начала расшатываться. «В 18 столетии дворянство, потеряв уже прежнюю неограниченную власть свою и способы ее поддерживать, — не умело переменить поведения: вот одна из тайных причин, породивших пугачевский год»²⁰. Это — не теоретический вывод историка, а обобщение наблюдений над живой действительностью.

В романе Лермонтова ярко и художественно образно противопоставлены дворянское понимание основ самодержавия и крестьянские представления о своем мужицком царе. Дворянский монархический идеал воплощен в образе «великой Екатерины», которую якобы «народ называл матушкой и которая каждому гвардейскому солдату позволяла целовать свою руку...». А народные массы верили своему государю, донскому казаку Пугачеву, который «носит бороду, говорит, как мужик...»²¹.

Само крестьянское восстание изображено Лермонтовым в разных красках и тонах. С одной стороны, поэт воссоздает картину безудержной народной удали, торжества борьбы и не сдерживаемых узами неволи страстей. «Эти огни, эти песни — все дышало тогда какой-то насильственной веселостью, принимало вид языческого празднества...»²². С другой стороны, образ восставшего народа пугает воображение поэта, действия поднявшихся казаков и крестьян вызывают его тревогу: «Что-то ужасное созревало под этой веселостью, подстрекаемой своеволием, возбужденной новыми пришельцами, уже привыкшими к кровавым зрелищам и грабежу свободному... картина была ужасная и отвратительная»²³. Здесь нет выражения ненависти и презрения к крепостному мужику. Здесь — скорее укор господам, которые довели своих крестьян до того, что они подняли оружие против них самих (перед взором Лермонтова, конечно, возникали образы убитых в Пензенской губернии помещиков, среди которых были родственники и соседи его бабки). Здесь наконец, и мысль о том, что мужицкий бунт, хотя и оправдан, ибо вызван жестокостями крепостников, но жесток и страшен.

Близкая Лермонтову проблема борьбы с деспотизмом, естественно, прилекала его внимание к Великой Французской революции, заставляя задумываться над вопросом о ее значении и результатах. Отношение к Французской революции у Лермонтова двойственное. С одной стороны, поэт воспринимает ее мыслью историка и взором художника как результат выступления народа, как проявление вольности. В поэме «Сашка» несколько иронически изображен гувернер лермонтовского героя, француз, отец которого «жертвой стал народного волнения» и был повешен на фонаре, а сам он «проклял вольность и народ» и бежал в Россию. Но воспоминания этого несколько комического персонажа о революционных событиях во Франции захватывают его русского воспитанника: «И Саша мой любил его рассказ про сборища народные, про шумный напор страстей и про последний час венчанного страдальца... Над безумной парижскою толпою много раз носилось его воображение: там слышал он святых голов паденье...»²⁴.

Но, увлеченный величием и романтикой революционной борьбы, Лермонтов в то же время осуждал якобинский террор, приведший, по его мнению, к гибели революцию. «И кровь с тех пор рекою потекла, и за-

²⁰ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. VI, стр. 15 (1832—1834 гг.).

²¹ Там же, стр. 37, 39.

²² Там же, стр. 70.

²³ Там же, стр. 60.

²⁴ М. Ю. Лермонтов. Соч. т. IV, стр. 69—70, 400—401 (1835—1839 гг.).

гремела жадная секира...». На страницах лермонтовских произведений появляются образы кладущей на плаху свою голову и гибнущей под рукоплескания народа венценосной женщины, казнённого поэта Андрея Шенье, смерть которого Лермонтов расценивает как показатель падеи французской нации («И Франция упала за тобой к ногам убийц бездушных и ничтожных») ²⁵. Известным обобщением мыслей Лермонтова о перерождении французской революции в режим тирании являются слова поэта, обращенные к французскому народу в стихотворении «Последнее новоселье»: «Из славы сделал ты игрушку лицемерья, из вольности — орудье палача» ²⁶. Лермонтов говорит с «великим народом», но называет его «жалкий и пустой народ». Это не противоречие, это антитеза прошлого и настоящего: о величии французской нации свидетельствует пройденный ею исторический путь. В настоящее время она сошла с этого пуги, — таков вывод Лермонтова, сделанный им в годы июльской монархии во Франции.

Нет внутреннего противоречия и в восприятии Лермонтовым самой Великой Французской революции. Хотя это восприятие и не было однолинейным, но главное, что приковывало внимание поэта, — это борьба вольности и деспотизма. Подходя под таким углом зрения к конкретной действительности и разыскивая основную интересующую его линию за сложными и запутанными социальными, политическими, партийными взаимоотношениями, Лермонтов расценивал и революционный террор как тиранию, не расчлняя вопроса о методах политики и о ее классовой сущности ²⁷. Но, несмотря на ограниченность социального анализа, общий подход писателя к французской революции был для своего времени передовым.

Глубокую и всестороннюю оценку дал Лермонтов Наполеону. Личность этого выдающегося полководца и государственного деятеля весьма волновала поэта, и он посвятил ему ряд художественных произведений. Повышенное внимание к Наполеону объясняется и тем, что Лермонтов понимал его историческое значение («В десять лет он подвинул нас целым веком вперед», — читаем мы в «Вадиме») ²⁸, и тем, что он интересовал писателя как человек с характером целеустремленным, волевым, честолюбивым и властным, с судьбой сложной, изменчивой и трагической.

Лермонтов рассматривал своего героя как порождение Французской революции, в ходе которой «втайне взор Наполеона уж зрел ступени будущего трона» («Сашка») ²⁹. Оценка Лермонтовым исторической роли Наполеона отличается сложностью. С одной стороны, поэт отмечает, что его деятельности, военным походам и победам Франция обязана своим величием и международным значением. «И вы окрепли вновь в тени его державы, — обращается писатель к французам, — и мир трепещущий в безмолвии взирал на ризу чудную могущества и славы, которой вас он одевал» («Последнее новоселье») ³⁰. С другой стороны, Лермонтов осуждает Наполеона за завоевательную политику, которая несла несчастье покоренным им странам. «Зачем он так за славою гонялся? Для чести счастье презирал? С невинными народами сражался? И скипетром стальным короны разбивал? Зачем мучил граждан спокойных кровью...?». По словам Лермонтова, слава Наполеона завоевана оружием, приобретена насильственным путем, вспоена

²⁵ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 70—71, 401—403.

²⁶ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. II, стр. 182 (1841 г.).

²⁷ Б. Эйхенбаум. Литературная позиция Лермонтова. «Литературное наследство», т. 43—44, стр. 72—79.

²⁸ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. VI, стр. 13.

²⁹ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 71.

³⁰ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. II, стр. 182.

кровью: «Ему, погибельно войною принужденный, почти весь свет кричал: ура! при визге бурного ядра» («Наполеон») ³¹.

О том, на какие силы опирался Наполеон, Лермонтов говорит противоречиво. С одной стороны, в освещении поэта трагедия Наполеона — это трагедия одиночества, его удел — это удел непонятого и непризнанного гения. «Один, — он был везде, холодный, неизменный» («Последнее новоселье»); «Погиб как жил — без предков и потомства, — хоть побежденный, но герой!.. Он миру чужд был. Все в нем было тайной, день возвышенья — и паденья час!» ³². Конечно, перед нами художественный образ, а не формула социального анализа. Однако поэт, без сомнения, стремился не просто изобразить причудливые извивы и превратности судьбы великого человека, но и понять его место в истории. И здесь как бы звучит мысль, что Наполеон не нашел опоры в обществе. Но у Лермонтова можно найти и другую мысль: силой, поддерживавшей французского консула, а затем императора, была армия, и его взаимоотношения с солдатами рассматриваются даже как своего рода идеал отношений власти и народа: «И разве нет иногда этого всемогущего сочувствия между народом и царем? Возьмите Наполеона и его войско! — долго ли они прожили друг без друга?» («Вадим») ³³.

В целом можно сделать вывод, что, подходя к пониманию империи Наполеона как военной диктатуры, Лермонтов в то же время считал его правление яркой страницей в истории французской нации: оно пришло на смену якобинскому террору и было сметено реставрированной монархией Бурбонов. Поэтому падение Наполеона Лермонтов расценивал как пятно на французской нации: «Порочная страна не заслужила, чтобы великий жизнь окончил в ней». С упреком обращаясь к французам, Лермонтов писал: «Среди последних битв, отчаянных усилий, в испуге не поняв позора своего, как женщина, ему вы изменили и, как рабы, вы предали его» ³⁴. Измену Наполеону писатель воспринимает в свете своего общего мировоззрения как измену вольности во имя тираннии.

Как большое национальное дело оценивает Лермонтов борьбу русского народа с нашествием Наполеона, который был «побежден московскими стенами». «Прах Кремля» «пристал к подошвам» французских захватчиков, и «русский бог отмстил за храм священный». Печальная участь постигла того, «кто нам грозил и пленом и стыдом, кто над землей промчался, как комета» ³⁵.

Выражением патриотических настроений поэта является его замечательное произведение «Бородино», в котором языком народных памятников рассказано о том, как русские солдаты на Бородинском поле «сдержали клятву верности» родине ³⁶. Слова «Да, были люди в наше время, могучее, лихое племя, богатыри — не вы» противопоставляют величие тех дней, когда народ поднялся на борьбу за независимость своего отечества, современности, когда «лихое племя» как бы утратило свою прежнюю гражданскую активность. При этом Лермонтов имеет в виду не только национально-патриотический подъем, но и политический протест против тираннии, ибо для него, конечно, была ясной связь между общественным настроением в 1812 г. и выступлением декабристов.

В сознании Лермонтова национально-освободительная борьба тесно связывалась с борьбой против режима деспотии и поэтому Бородинское сражение он рассматривал как звено в цепи целого ряда народных движений, которым он посвятил свои произведения (выступление Вадима

³¹ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 45—46 (1829 г.).

³² Там же, стр. 194 (1831 г.); т. VI, стр. 183 (1841 г.).

³³ Там же, т. VI, стр. 38.

³⁴ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 194; т. II, стр. 183.

³⁵ Там же, т. I, стр. 46; т. IV, стр. 99.

³⁶ М. Ю. Лермонтов. Соч. т. II, стр. 80—83 (1837 г.).

за новгородскую вольность, борьба, возглавленная Мстиславом против татаро-монгольских захватчиков; протест купеческого сына Калашникова против своеволий опричников Грозного).

Для Лермонтова патриотизм — это чувство любви к родине, предполагающее активную деятельность, направленную к защите ее независимости и завоеванию для нее гражданской свободы. Поэт резко выступал против подмены такого представления реакционным национализмом и псевдопатриотизмом как идеологией, считающей самодержавие и православие началами, якобы выражающими мировоззрение и потребности русского народа.

Поэт едко высмеял реакционную по своим идеям и настроению, написанную в псевдопатриотическом духе пьесу Н. В. Кукольника «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский»:

«В Большом театре я сидел,
Давали Скопина:— я слушал и смотрел.
Когда же занавес при плесках опустился,
Тогда сказал знакомый мне один:
Что, братец! жаль!— вот умер и Скопин!...
Ну, право, лучше б не родился»³⁷.

Особое место в творчестве Лермонтова занимает тема: Россия и народы Кавказа. Судьба Лермонтова сложилась так, что ему пришлось ряд лет своей жизни (причем в наиболее творческий и зрелый ее период) провести на Кавказе. Поэт полюбил природу, население этого величественного и богатого красками края, с любовью собирал и изучал его фольклор, легенды старины, современные обычаи, нравы, поверья. Служа в русской армии, Лермонтов наблюдал за взаимоотношениями русского правительства и царских военных сил с народами Кавказа. Он осуждал жестокости и притеснения, причиняемые кавказскому населению русскими войсками и чиновниками. И в то же время он видел положительные последствия присоединения Кавказа к России для экономического и культурного развития края³⁸.

Фольклорное (очевидно азербайджанское) происхождение имеет записанная Лермонтовым сказка «Ашик-Кериб»³⁹. Черкесская легенда лежит в основе поэмы Лермонтова «Беглец». В ней изображена печальная участь изменника родины Гаруна, который бежал с поля битвы с царскими войсками, «где кровь черкесская текла» и где погибли «за честь и вольность» народа его отец и два родных брата. Беглеца не принял никто из родных и соотечественников, его отвергла даже мать. Ему оставалось только умереть, но и после смерти он был по-прежнему отмечен клеймом измены, «и труп, от праведных изгнанный, никто к кладбищу не отнес». Поэма достигает наивысшего напряжения в словах: «В преданьях вольности остались позор и гибель беглеца»⁴⁰. Судьба Гаруна — урок для целых поколений.

Певец вольности, Лермонтов, конечно, не мог остаться равнодушным и безучастным к движению горцев против оружия царизма, хотя и видел, что в среде самих горцев имеются противоречия, и приближался к пониманию исторической прогрессивности включения народов Кавказа в состав Русского государства. Сложные вопросы политики России на Кавказе и отношения к ней горцев подняты в поэме Лермонтова «Измаил-Бей». Она начинается со ссылки на рассказ старика-чеченца — рассказ «то буйный, то печальный», который «поэт вздумал перенести на север дальний». Лермонтов, таким образом, сам указывает, что в основе его

³⁷ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. II, стр. 97, 334.

³⁸ Л. Гроссман. Лермонтов и культуры Востока. «Литературное наследство», т. 43—44, стр. 674—744.

³⁹ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. VI, стр. 194—197, 646 (1837 г.); С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии, М., 1954.

⁴⁰ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 143, 147, 408 (1837—1838 гг.).

произведения лежат подлинные события. И действительно, прототипами лермонтовских героев Измаил-Бей, его брата Рослаббека являются реальные лица — Измаил Атажуков, Рослаббек Мисотов, игравшие определенную роль на Кавказе в конце XVIII — в начале XIX вв. Но поэт, рисуя жизненный путь этих лиц, значительно отступил от исторической точности, сохранив, однако, правду характеров и их столкновений.

Тема — Россия и народы Кавказа — поднята в поэме Лермонтова во всей ее сложности. Здесь звучит нота осуждения русского правительства за его политику в отношении горцев. От лица последних Измаил-Бей, сам ранее находившийся на русской службе, бросает упрек одному русскому, олицетворявшему в его глазах все то зло, которое принес народам Кавказа царизм: «За что завистливой рукой вы возмutilи нашу долю? За то, что бедны мы, и волю и степь свою не отдадим... Зачем ты нас возненавидел, какую грубостью своей простой народ тебя обидел?»⁴¹.

В поэме сильно идеализируются порядки, господствовавшие у горцев до установления на Кавказе русского владычества. Это время рисуется как золотой век вольности народа: «Аулы мирные цвели, гордились дружбою взаимной... Черкес счастлив и волен был... И старцы с белыми власами судили распри молодых... Они тогда еще не знали ни золота, ни русской стали!». В поэме дается обобщенная и всесторонняя характеристика русско-кавказских отношений. Подчеркиваются могущество и военная мощь России, делающие бесполезным сопротивление царским военным силам. «Какие степи, горы и моря оружию славян сопротивлялись? И где велению русского царя измена и вражда не покорялись?... Смирись, черкес! И запад и восток, быть может, скоро твой разделит рок»⁴². Здесь трудно уловить все оттенки мыслей и чувств поэта, касающихся России и Кавказа. Во всяком случае видно, что понимание исторической необходимости включения народов Кавказа в состав России сочетается у Лермонтова с представлением о темных сторонах этого процесса, о насильственных методах, применяемых царскими властями.

Еще выразительнее дальнейшие слова поэта: «Настанет час — и скажешь сам надменно: пускай я раб, но раб царя вселенной! Настанет час — и новый грозный Рим украсит Север Августом другим!». Здесь Лермонтов и отдает дань мировому значению громадной Российской империи, и подчеркивает, что ее могущество строится на порабощении входящих в нее народов, и отмечает, наконец, что в составе Российского государства перспективы развития для горцев были лучше, чем вне его.

Раздумьями над историческими судьбами Грузии делится Лермонтов в поэме «Мцыри». На эти раздумья наводит поэта могильная надпись, в которой говорится, что «удрученный своим венцом» «такой-то царь, в такой-то год вручал России свой народ». Речь идет о картлино-кахетинском царе Ираклии II, передавшем в 1783 г. по Георгиевскому трактату под протекторат России Восточную Грузию. Поэма подчеркивает благоприятные результаты этого события для грузинского народа: «И божья благодать сошла на Грузию! — она цвела с тех пор в тени своих садов, не опасаясь врагов, за гранью дружеских штыков»⁴³. Здесь русские штыки расцениваются как оружие, защищающее границы Картлии и Кахетии от враждебных государств и обеспечивающее их населению возможности мирного развития.

Проблема отношения народов Кавказа к политике России и значения этой политики для исторических судеб края поднята Лермонтовым в стихотворении «Спор». Его сюжетом является разговор о будущем Кавказа, который ведут между собой два местных аборигена, горные великаны — Казбек и Эльбрус («Седовласый Шат»). Последний оказывается

⁴¹ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. III, стр. 156, 192, 324 (1832 г.).

⁴² Там же, стр. 156—157, 200—201.

⁴³ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 148—149, 408—409 (1839 г.).

дальновиднее своего собеседника и предсказывает ему то, о чем тот сам в должной мере еще не догадывается,— ему не избежать наступления новых людей с севера, для которых был труден лишь «первый скачок» на Кавказ. «Покорился человеку ты недаром, брат! Он настроит дымных келий по уступам гор: в глубине твоих ущелий загремит топор; и железная лопата в каменную грудь, добывая медь и золото, врежет страшный путь!»⁴⁴.

Тревожит Казбека подобная участь? Конечно! И седовласый Шат говорит ему: берегись! «Скачок» царизма на Кавказ в погоне за его богатствами несет населению много бед. Но умудренный жизненным опытом Шат понимает и другое: без топора и железной лопаты не оживить края, где над скалами «носились лишь туманы да цари-орлы». А вот когда из недр Казбека будут извлечены его богатства — «медь и золото», тогда через эти скалы «пройдут караваны» и Кавказ заживет новой деятельной жизнью.

Всегда трудно и рискованно непосредственно переводить художественные образы на язык социологических категорий, тем более, что в поэзии, кроме слов и образов, есть и сложные оттенки передаваемых ими чувств человека. Такой перевод обычно таит угрозу вульгаризации. Но можно и должно, уловив идею художественного произведения, найти адекватные средства для ее выражения в понятиях и терминах, привычных для иных сфер человеческого восприятия действительности, чем поэтическое искусство. И если это сделать в данном случае, то можно сказать, что в «споре» Казбека с Шат-горою отразились, хотя и не очень отчетливо, представления Лермонтова о пути развития Кавказа в составе России, обеспечивающем для края возможности использования своих ресурсов и хозяйственно-культурный подъем, но в то же время чреватом и плохими последствиями для населения, на которое политика царизма обрушится всею тяжестью⁴⁵.

«Спор», как известно, заканчивается тем, что сама жизнь подтверждает справедливость мудрых опасений Шат-горы, ибо, обратив свои взоры на север, оба местных старожила увидели картину военного наступления на Кавказ из России: «От Урала до Дуная, до большой реки, колыхаясь и сверкая, движутся полки... Идут все полки могучи, шумны, как поток, страшно медленны, как тучи, прямо на восток». Что сулит нашествие могучих русских полков народам Кавказа? Ответом на этот вопрос и является стихотворение поэта, в котором в разговоре Казбека с Шат-горою раскрывается вся сложность и противоречивость характера политики России и ее результатов.

Полки на Кавказ ведет седой генерал, «испытанный трудами бури боевой». Исследователи уже давно установили, что Лермонтов имеет в виду А. П. Ермолова. А Дюма даже послал последнему свой перевод лермонтовского стихотворения, написав ему: «Генерал! Разрешите французскому поэту, который в продолжение двух месяцев слышит ваше имя, повторяемое всеми эхо Кавказа, прислать вам переведенные им стихи Лермонтова, в которых упоминается ваше славное имя. С тех пор, как бородинские орудия возвестили Франции имя Ермолова, уважение и удивление к этому имени никогда не покидали меня»⁴⁶. Заслуживает внимания предположение И. Л. Андроникова, что образ Ермолова привлечен Лермонтовым в силу близости этого военного деятеля к декабристам. Тем самым поэт отразил в своем произведении мысли декабристов о будущем Кавказа в составе свободной России⁴⁷.

Уже из изложенного видно, что основным источником творчества Лермонтова на исторические темы был фольклор. В автобиографической

⁴⁴ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. II, стр. 193, 359 (1841 г.).

⁴⁵ Л. Гроссман. Указ. соч., стр. 709—715.

⁴⁶ С. А. Андреев-Кривич. Указ. соч., стр. 95.

⁴⁷ И. Андроников. Лермонтов, стр. 290.

заметке Лермонтов отметил: «Наша литература так бедна, что я из нее ничего не могу заимствовать... Однако же, если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях.— Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская,— я не слышал сказок народных;— в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности»⁴⁸. Из этой заметки видно, насколько Лермонтов ценил устное творчество народа, которое служило источником его поэтического вдохновения.

Заслуживает внимания и другая запись поэта: «У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем. Сказывается сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21 году проснулся от тяжелого сна — и встал и пошел... и встретил он тридцать семь королей и 70 богатырей и побил их и стал над ними царствовать... Такова Россия»⁴⁹. Вряд ли кто-либо поймет это высказывание поэта как выражение его нигилистического отношения к прошлому своего отечества, славным страницам истории которого он посвятил столько замечательных песен и поэм и образы которого приводил в пример и поучение современникам. Здесь мысль другая: русский народ еще не развернул всех богатых, тающихся в нем сил. Но он делает это, и порокой тому созданный народным воображением сказочный герой Еруслан Лазаревич. В народной сказке находит Лермонтов большое общественное, философское содержание.

В творчество Лермонтова широкой струей вливается фольклор. Русская женщина, баюкая своего ребенка, напевает ему песню о злых татарских захватчиках: «Что за пыль пылит» (трагедия о Мстиславе). Боярин Орша слушает сказку Сокола, которая заставляет его задуматься над судьбой своей дочери. Указывают на влияние былины о Матрьюшке на «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Для творчества Лермонтова имела значение его дружба со знатоком фольклора С. А. Раевским. Делаются достаточно убедительные выводы о знакомстве Лермонтова с собранием песен П. В. Киреевского⁵⁰.

Наряду с памятниками устной народной словесности установлено пользование Лермонтовым материалами «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. По материалам Карамзина построен план лермонтовской трагедии о Мстиславе. Считают, что об Иване Грозном и о купце Калашникове Лермонтов писал под воздействием включенных в «Историю» Карамзина записей о Мясоеде Вислом, имевшем «прелестную жену», которую «взяли, обесчестили, а мужу отрубили голову», или об опричниках, которые захватили боярских «жен, известных красотою», «вывезли из города», надругались над ними, и «некоторые из них умерли от стыда и горести»⁵¹.

Как и Пушкин, Лермонтов стремился восстановить национальное прошлое своего отечества через памятники архитектуры и искусства. Еще в Школе гвардейских подпрапорщиков он написал сочинение под заглавием «Панорама Москвы». Обозревая с колокольни Ивана Великого город и прежде всего Кремль, автор говорит о тех чувствах и мыслях, которые возбуждают в нем памятники старины, и о том, какие образы истории они навевают. Москва, пишет поэт, это «не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! У нее есть своя душа, своя жизнь», свой язык.

«Мрачная наружность» Покровского храма вызывает в воображении писателя облик Ивана Грозного, «таковым, каков он был в последние годы своей жизни!..». «Фантастическая громада» Сухаревой башни «хра-

⁴⁸ М. Ю. Лермонтов. Соч., т. VI, стр. 387, 681 (1830 г.).

⁴⁹ Там же, стр. 384, 680 (1841 г.).

⁵⁰ М. Азадовский. Указ. соч., стр. 240—247.

⁵¹ М. Штокмар. Указ. соч., стр. 272.

нит отпечаток другого века, отпечаток той грозной власти, которой ничто не могло противиться». Эта башня «гордо взирает на окрестности, будто знает, что имя Петра начертано на ее мшистом челе». С Поклонной горы Наполеон «кинул первый взгляд на гибельный для него Кремль, откуда в первый раз он увидал его вешее пламя: этот грозный светоч, который озарил и его торжество и его падение!»⁵².

Написание Лермонтовым «Панорамы Москвы» связывают и с полемикой, которая велась в русской литературе о значении Москвы и Петербурга в жизни страны, и с влиянием на писателя романа В. Гюго «Собор Парижской богородицы», в котором имеется специальная глава «Париж с птичьего полета», раскрывающая историческое значение памятников средневековой архитектуры. Но главным для Лермонтова было, конечно, глубокое чувство национального самосознания, а выражением его и явилась любовь к Москве как историческому центру русского народа, знаменательные вехи прошлой жизни которого наглядно запечатлелись в ряде достопримечательных архитектурных сооружений. Это чувство выражено в следующих словах поэмы «Сашка»: «Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын, как русский,— сильно, пламенно и нежно! Люблю священный блеск твоих седи и этот Кремль зубчатый, безмятежный»⁵³.

Фольклор и памятники архитектуры и искусства послужили и источником ряда произведений Лермонтова кавказского цикла⁵⁴. Народная легенда легла в основу поэмы «Беглец». Тебу де Мариньи рассказывает, что во время путешествия по Кавказу он слышал песню, «закрывающую жалобу юноши, которого хотели изгнать из страны, потому что он вернулся один из экспедиции против русских, где все его товарищи погибли»⁵⁵. Сюжет этой песни совпадает с сюжетом «Беглеца». Эпизод битвы с барсом, имеющийся в поэме «Мцыри», воспроизводит средневековое грузинское сказание, отразившееся и в произведении Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». В поэме «Мцыри» дано также описание старинного собора в Мцхете — древней столице Грузии, могил последних грузинских царей Ираклия II и Георгия XII и т. д.⁵⁶.

Все это свидетельствует о том, насколько живым и непосредственным было восприятие Лермонтовым отечественного исторического прошлого. Для него, как и для Пушкина, это восприятие было органической составной частью мировоззрения поэта-гражданина.

---

⁵² М. Ю. Лермонтов. Соч., т. VI, стр. 369—373, 671—673 (1834 г.).

⁵³ Там же, т. IV, стр. 43.

⁵⁴ Л. П. Семенов. Лермонтов и фольклор Кавказа, Пг., 1921.

⁵⁵ С. А. Андреев-Кривич. Указ. соч., стр. 84.

⁵⁶ И. Андроников. Лермонтов, стр. 144, 148.